

HALF LIGHT

*Бетти, Эмме, Хелен, Филиппе,
Роз, Саре, Шивон и Три,
я написала это для вас.*

Музыка — это моральный закон.
Она дает душу Вселенной, крылья уму,
полет воображению; музыка придает
очарование всему бытию.

Платон
(скорее всего)

Все, что я делала в жизни, — это были
лишь разные способы прокричать твое имя.

Florence and the Machine, South London Forever
авторства Бретта Шоу и Флоренс Уэлч

ИНТРО

Давно считаю, что любовь к музыкальной группе вырабатывает много полезных навыков, но никогда раньше мне не приходило в голову, что к числу этих навыков относится способность раскрывать убийства.

Эта мысль не покидает меня, пока мы с Джэз сидим в комнате ожидания полицейского участка. Вот-вот нам должны сообщить, получилось ли у нас. Вот-вот мы узнаем, достаточно ли наших доказательств. Останемся ли мы в истории фэндома? Посадим ли виновного за решетку? Сущие мелочи.

Надо сразу признаться, что мы ничего не планировали. И вторжения на пресс-конференции, и взлом камер слежения, и... ну... и проникновения в чужой дом — еще три месяца назад я и представить себе этого не могла. Да какое там три месяца, и неделю назад тоже, а кое-что даже и вчера.

От мыслей об этом у меня кружится голова, и я, чтобы успокоиться, вспоминаю о клетках. Не в смысле клеток для животных, с решетками, — нет, я думаю о клетках в организме. В частности, вспоминаю довольно поэтическое высказывание о клетках, которое слышала довольно часто: каждые семь лет все клетки в нашем теле обновляются. Однажды, говорят люди, ты

будешь совершенно другим человеком. Предполагается, что эти слова должны успокаивать, но это попросту неправда. Понимаете, есть такие клетки, которые так не работают. Некоторые из них остаются с нами навсегда. И, если речь идет о музыкальных группах, первую не забыть никогда.

Папа мной гордился бы, думаю я, в который раз прислушиваясь к бою часов. Как там говорят? Если хочешь узнать, что любишь по-настоящему, понаблюдай, куда стремятся твои мысли, если отпустить их на волю. Забавно получается. Я потратила столько времени, пытаюсь убедить его, что наука не для меня, но вот опять думаю о биологии.

Так что да. Именно об этом я размышляю в тихие часы, когда мы сомневаемся, удалось ли наше исследование, и все вокруг молчат.

Об этом, ну и о том, как я сказала, что готова на что угодно ради Half Light, но имела в виду нечто совершенно другое.

ТРЕК 1

ДО

Ночь пятницы перешла в ту смутную размытую фазу, когда настроение может понести куда угодно. Тишину прорезала вибрация телефона на столешнице. Я подскочила.

— Не будь такой старушенцией, Хэрри, — добродушно простонал Стефан, когда я предложила ему построить форт из одеял и поесть пиццы, вместо того чтобы идти на вечеринку.

Видимо, сообщение было от него: пишет мне с другого конца коридора, чтобы рассказать, как многое я упускаю. Может, мне и правда надо было перебороть себя. Стеф был моим единственным другом (если можно так сказать) в общежитии, которая еще не стала мне домом. Конечно, за исключением тех случаев, когда он прозрачно намекал, что мы созданы больше чем для дружбы. Логическая часть моего мозга была с ним согласна. У Стефана иссиня-черные волосы и густые аккуратные брови, за которые я бы убила. Однако другая часть моего мозга, которая любит слишком все обдумывать, всегда останавливала меня. Максимум, на что я способна, — это признать, что Стефан довольно симпатичный.

Пол кухни холодил мне ноги. Я, вздыхая, наблюдала, как моя пицца румянится и пузырится в золотом

свете духовки. Неужели так и должно быть? Прошло три недели с начала первого семестра... Разве не полагается мне захлебываться свободой и предаваться безумным экспериментам?

— А чего ты ожидала? Что моментально станешь другим человеком? — спросила я себя вслух, и комната ответила мне тишиной. Вокруг никого: самое время поговорить с собой. Телефон загудел снова, в этот раз будто более настойчиво.

Значит, не Стеф. Он слишком крут, чтобы отправлять два сообщения. Наверное, кто-то из девочек.

С тех пор как я открыла для себя Half Light, сообщения приходили в любое время дня и ночи. Так было со времен того самого вирусного видео на YouTube, в котором трое обычных парней пели а капелла в гараже. Именно оно вознесло их на вершину славы. Та песня, Closer Than You Think, стала их первым синглом, попавшим в первую десятку. Она затронула во мне что-то. Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного. Протянув виртуальную руку, я ни на что не надеялась и все же каким-то образом очутилась в кругу сестер со всего мира. Нас связали узы любви и нежного отчаяния, обращенного к этим трем загадочным незнакомцам.

Иногда мы шутили, что нужно составить расписание сообщений в WhatsApp и звонков по FaceTime. Я знала, как выглядит закат из окон Руби (третий этаж на окраинах Берлина). Мне был знаком шум лондонской улицы в вечерний час пик. Я проводила ленивое утро воскресенья у себя в Брайтоне, пока Джемма спешила домой в Лос-Анджелесе вечером субботы. Все это внушало мне чувство безопасности. Словно в любое

время я могла позвать — и кто-нибудь где-нибудь обязательно откликнется.

Я прищурилась на часы на плите, обещая себе, что завтра обязательно поищу очки. На часах было 12:35. Когда у тебя подруги по всему миру, около полуночи написать может кто угодно. Мне нравилось думать, что последний час перед сном я проведу в компании другого человека на том конце провода.

Телефон загудел у меня в руке, и на экране появились сразу три новых сообщения одновременно.

— Что происходит? — спросила я вслух.

На экране появилось лицо Джэз: идеальный макияж, несмотря на столь поздний час.

Джэз была моей самой близкой подругой — и в смысле географическом (мы жили в одной стране), и в смысле того, что мы как-то сразу узнали друг друга. Правда, лично мы еще не виделись, но вы ведь знаете, как в телешоу влюбленные парочки описывают свою встречу? Это мгновенное чувство узнавания, которому так завидуешь? Именно его я ощутила, впервые натолкнувшись на Джэз.

Вернее, натолкнулась я даже не на нее саму, а на комментарий, который она оставила под особенно восхитительной публикацией Фрэнки Уильямса в инстаграме. На ней он одной рукой обнимал за талию своего бойфренда, словно в этом не было совершенно ничего особенного, а в другой — по совершенно непонятной причине — держал крошечного поросенка. (К тому времени мы научились не вдумываться в поступки Фрэнки.)

У меня всегда была одна серьезная претензия к религиозным институтам, — начала Джэз. — Давайте расскажу, какая.

Я не вполне понимала, почему кто-то пишет о религии, когда наш прославленный атеист не только прижимал к сердцу детеныша свиньи, но и наконец наплевал на нелепые гетеронормативные требования своих менеджеров (те явно не слышали, что современные фанатки чрезвычайно либеральны и не осуждают чужой выбор). Фрэнки наконец выставил на обозрение интернета своего возлюбленного. Господи, мы знали, мы знали! Так или иначе, Бог в тот момент нас волновал меньше всего.

Я продолжила читать.

Вы можете вообразить, что это такой подростковый бунт, но я за то, чтобы облегчать себе жизнь, и моя жизнь была бы гораздо легче, если бы я соглашалась с родителями по этому вопросу. Походы в церковь по воскресеньям? Ну и что такого, я ведь люблю петь, да и ничего интересного до обеда все равно не произойдет. Никакого секса до брака? Уж поверьте, никто мне его и не предлагает, и невозможно скучать по тому, чего никогда не было. Не поклоняться идолам? А вот тут без вариантов.

Не знаю, что мне думать по поводу бога, но насчет Фрэнки Уильямса мыслей у меня достаточно. Бога я никогда не видела, но могу часами говорить о морщинке под левым глазом Фрэнки, или про родинку у него над губой, или о том, как в его смехе кроется целая вселенная. Об этом и о том, как до смешного великолепно, что он стоит на этой фотографии, держа в руках поросенка и уничтожая мою жизнь (а я и рада). И вы тоже сможете обсуждать все это часами. Я знаю, что мы вместе будем анализировать каждый малейший жест из закулисных съемок с этой фотосессии.

Я знаю, что вы понимаете, о чем я говорю, даже если выражаем мы это по-разному. Дух захватывает, если остановиться и подумать обо всем, что случилось с момента, когда я впервые увидела то размытое видео, где Half Light пели в гараже, и почувствовала, как во мне что-то включилось. Я искала песню, под которую накраситься, но нашла гораздо больше.

Мне велели не поклоняться идолам.

Теперь я начинаю думать, что они боялись, как много я обнаружу, если не послушаю их.

Конечно, в комментарии Джэз были детали, которые во мне не отзывались. Единственное, что в нашей семье хоть как-то напоминало религию, — это как папа запрещал нам выходить из машины, пока не доиграет песня Кросби, Стилз и Нэш. Чем старше мы становились, тем меньше нас развлекала эта традиция. Однако теперь, размышляя об этом, я думаю: а может, все эти бесконечные минуты, которые я провела в машине, прислушиваясь к трем мальчишеским голосам, — это именно та точка, с которой все началось? «Надо поблагодарить папу», — пронеслось у меня в голове.

Так или иначе, в словах Джэз было что-то настоящее, живое, и мне хотелось стать его частью. Я быстро напечатала: «Привет. Во мне глубоко отозвались твои слова, и я сама не знаю почему». Вначале мы обсудили видео, которое она упомянула: четырнадцать восхитительных минут, во время которых Фрэнки с Джеком вели себя как дети, словно не подозревая о присутствии камер, а менеджеры пытались их уgomонить и сделать хоть один кадр. Однако вскоре разговор перешел к нашей собственной жизни. Спустя несколько часов она сказала, что лучше перестать говорить, чтобы у